

Е.С. Гуревич с дочерью Элеонорой

Игорь Карклиньш

Чужой среди своих

Продолжение. Начало см. «Мастерружьё» №№ 178, 179, 180 и 181

Весной 1945 г. Евгений Самойлович Гуревич решил перевезти семью в Тулу. Ехали через Москву. Вечером был грандиозный салют. Это был Салют Победы...

По заданию Арткома

До февраля 1946 г. Гуревич работал старшим инженером-оружейником при Артиллерийском комитете (Арткоме) ГАУ КА под началом председателя Арткома генерал-полковника артиллерии В.И. Хохлова. Известно, что из нескольких образцов, выполненных изобретателем по заданию комитета, два были приняты на вооружение. К сожалению, детали неизвестны. Пролить свет могли бы архивы отдела изобретательства Министерства вооружённых сил (МВС) СССР, но найти их пока не удалось. В протоколе совещания по промышленному оружию, состоявшегося 18-19 февраля 1946 г. (см. ч. I, МР №1 (178)), было записано, что Министерство вооружения принимает на себя обязательство изготовить в IV

квартале 1946 г. 200 ружей конструкции Гуревича. Но ни в IV квартале, ни позднее и вообще никогда ружья Гуревича не изготавливались серийно. Этот факт сложно объяснить, тем более что имеется много документов, аналогичных, например, такому письму Министерства вооружения от 16.4.1946 г.: «Директору завода №536 (ТОЗ. – Прим. автора) Романову. Начальнику ЦКБ-14 Вартазарян. Предлагаю немедленно собрать одно ружьё ГМ-16. Ружьё сдать заводу №536 для использования в качестве эталона при запуске в производство». Не стоит заблуждаться относительно «предлагаю». В стилистике деловой переписки того времени «предлагаю» равносильно «приказываю». 19 июля 1946 г. на стенде ВЦСПС были проведены пробные стрельбы ружья Гуревича

ГМ-16 20-го калибра. Стрелял мастер спорта Борис Леонов, выигравший чемпионат ВМФ 1946 г. До этого он никогда не стрелял из «вертикалки», а ружьё ГМ-16 держал в руках первый раз. Тем не менее, в трёх сериях Леонов показал результат от 80 до 85 очков, превысив результаты стрелявших вместе с ним московских спортсменов, вооружённых садовыми «горизонталками» 12-го калибра высокого разбора. По воспоминаниям присутствовавших на этих стрельбах Крейцера, Свентицкого и Толстопята, все тарелки были биты на мелкие фрагменты. Пожалуй, стоит сказать, что Борис Александрович Крейцер, первый заслуженный мастер спорта СССР по стрельбе, в послевоенные годы – заведующий испытательной станцией охотников при стенде ВЦСПС, был самым горячим сторонником ружей Гуревича, начиная с 7-й модели, которую он испытывал в 1940 г. Крейцер писал об остроумных и оригинальных особенностях этих ружей: полном отсутствии механизма цевья, исключительно надёжном экстракторе, заменяющим механизм цевья, оригинальном и долговечном шарнире, колодке, собранной из простых деталей, изготовленных на станке, наличии промежуточной планки на щитке колодки, делающей устранение шата доступным охотнику, сменных непаянных стволах в любых комбинациях, отсутствии подушек и так далее. Гуревич и Крейцер познакомились перед войной и до конца жизни оставались друзьями. 4 марта 1946 г. был создан ЦКИБ. В соответствии с Положением об этой организации, закреплённом в приказе № 186 министра вооружения Д.Ф. Устинова от 8 августа 1946 г., в ЦКИБ были переданы чертежи и образец ружья Гуревича. 1 декабря 1946 г. было готово заключение, подписанное временно исполняющим обязанности начальника Богословским, начальником конструкторского отдела Глинковым и начальником секции испытания опытных образцов Ивановым: «Чертежи и образец промыслового бокфлинта тов. Гуревича достаточно технологически проработаны и рассчитаны на технологию, приближающуюся к технологии стрелкового оружия. Замечаний о недостатках конструктивного выполнения деталей ЦКИБ не имеет, так как формы деталей бокфлинта тов. Гуревича просты и надёжны. Пластинчатые пружины и мелкие детали отсутствуют совершенно». Испытательные стрельбы ЦКИБ не проводил.

Была высказана рекомендация внести небольшие правки в чертежи. Однако производство ГМ-16 так и не началось. Для Гуревича 1946 г. был вполне удачным: отделом изобретательства МВС были приняты к рассмотрению четыре заявки на изобретения «в области артиллерии».

В Туле у Гуревича появились единомышленники и помощники. Дело в том, что он не умел и не любил чертить. Эту работу всегда выполняли другие. Инженеры и чертёжники ЦКБ-14 оказались большим подспорьем для изобретателя. В январе 1947 г. Гуревич обратился с письмом к депутату Верховного Совета РСФСР Алексею

Статья «Советский бокфлинт» в тульской газете «Коммунар». 4 марта 1947 г

Николаевичу Куракову, авторитетнейшему мастеру-ствольщику, потомственному тульскому оружейнику, преподавателю школы оружейного мастерства. 4 марта 1947 г. Кураков написал ответ. Вот небольшая выдержка из него: «Что же касается конструкции Вашего охотружья типа бокфлинт модель 16, оно может быть рекомендовано для охотников промысловиков, как исключительное отмеченные выше недостатки бокфлинта фирмы Меркель. Кроме того, изготовление и эксплуатационный ремонт не требует применения высококвалифицированных специалистов, мастеров штучников, что особенно ценно в отдалённых местах охотпромыслов».

Памятуя, какую роль в его судьбе сыграла заметка в довоенных «Известиях», Гуревич решил привлечь внимание прессы. 7 марта 1947 г. в тульской газете «Коммунар» появилась статья «Советский «бокфлинт»». 20 апреля 1947 г. эта же статья под названием «Первый отечественный бокфлинт» вышла в журнале «Огонёк». Статья заканчивалась следующими словами: «Двенадцатилетний упорный труд талантливого конструктора увенчался блестящим успехом. Советский Союз будет иметь собственное высококачественное и недорогое ружьё...» И никакой «роли партии»? Это была ошибка Гуревича. Эффект от статьи оказался противоположным тому, на который он рассчитывал. Прикомандированный чужак, выскочка, лагерник – похоже, именно так рассуждали некоторые тульские партийные чиновники. 23 мая 1947 г. начальником ЦКИБ был назначен вернувшийся из эвакуации И.М. Михалёв. У него первое впечатление о Гуревиче могло сформироваться со слов его недоброжелателей. Потом возникла профессиональная ревность, с течением лет переросшая в откровенное неприятие. Как бы там ни было, пути двух выдающихся оружейников разошлись навсегда. Вместе с тем, отношения Гуревича с директором ГОЗа Д.В. Романовым, тоже прошедшим через сталинские лагеря, всегда оставались нормальными. В начале 1947 г. Гуревич закончил свою деятельность как военный изобретатель. В марте и мае были поданы две последние заявки на изобретения «в области артиллерии». Единственным заказчиком оставался ВНИО – Всесоюзный научно-исследовательский институт охотничьего промысла, подчинившийся Министерству

Справка о выдаче Гуревичу авторского свидетельства, не подлежащего опубликованию

заготовок, в котором Гуревич вёл научную референтуру по охотничьему оружию и занимался составлением справочника по охотничьим пулевым патронам. Промысловикам требовался «зверовой» патрон. Гуревич разработал такой на базе обычной латунной гильзы 28 калибра. Пуля 14,5 мм массой 19 г состояла из свинцового литого поддона, выполненного в виде чашки, и деревянного баллистического наконечника. Патрон снаряжался зарядом 1,5 г бездымного пороха «Кречет» или 5 г дымного и предназначался для стрельбы из нарезного ствола.

Усиленный заряд: 2 г бездымного пороха или 7 г дымного предназначался для стрельбы моржей и белых медведей. В результате отстрела на 50, 75, 100, 150 и 200 м была получена кучность, в несколько раз превышающая кучность патронов английского экспресса .577 калибра. С деревянным баллистическим наконечником и нормальным зарядом пуля пробивала 4 сосновые доски по 25 мм каждая. С алюминиевым наконечником и усиленным зарядом – 8 досок. На базе латунной гильзы 32 кал. был разработан патрон с 12,7-мм пулей, по форме повторяющей пулю 14,5 мм. Предполагалось, что охотник-промысловик будет сам снаряжать патроны, имея запас гильз, капсюлей, пороха и баллистических наконечников. Поддоны пуль Гуревича можно было отливать самостоятельно, используя свинцовый лом и примитивную полулейку. Тема промыслового ружья, поднятая на февральском совещании 1946 г., получила своё развитие в распоряжении №12621 Совета Министров СССР от 7 сентября 1947 г. и приказе № 450 Министра вооружения Устинова от 30 сентября 1947 г. В соответствии с этими документами ТОЗом на базе 16-й модели было изготовлено 2 комбинированных ружья конструкции Гуревича.

Первое имело стволы длиной 650 мм: верхний – 20 калибра с дульным сужением 0,24, нижний с 6 нарезами – под 5,6 мм патрон бокового воспламенения. 17 февраля 1948 г. ружьё было отстреляно стрелком – испытателем Ульяновым с великолепными результатами, что и засвидетельствовали зам. начальника ОТК Жижин, начальник 12-го цеха Шейнин, заведующий стрельбищем Чурочкин и мастер-сборщик 22-го цеха Седачёв. Второе, весом 3 кг, имело верхний гладкий ствол 28 калибра с дульным сужением 0,15 и нижний нарезной под патрон Гуревича с пулей 14,5 мм. Испытания 19 апреля 1948 г., как и в первом случае, показали отличные результаты. Испытатели отметили отсутствие овалов на пробойках при стрельбе из нарезного ствола на всех дистанциях вплоть до 200 м, а также мягкую отдачу, не превышающую отдачу обычного дробового ружья. Однако до конца 1948 г. опытная партия ружей Гуревича, которую ждали во ВНИО для испытаний в условиях реального промысла (в рамках программы государственных испытаний) так и не была изготовлена. 11 февраля 1949 г. директор ВНИО Овчинников написал письмо начальнику 5-го Главка Министерства вооружения Рудневу, из которого следует, что из трёх систем, которые должны были прийти на сравнительные испытания в соответствии с распоряжением Совмина: ЦКИБа, фирмы «Меркель» и Гуревича, пришли только ружья ЦКИБа. Если учесть, что «ружьё ЦКИБа» представляло собой простую курковую «одностволку» с затвором «а-ля Ремингтон», и никакого сравнения с ружьём Гуревича она не могла выдержать в принципе, то можно предположить, почему ружьё Гуревича не дошло до государственных испытаний.

Тяжёлые годы

Маховик сталинских репрессий никогда не останавливался. С декабря 1945 г. стало раскручиваться «авиационное дело», по которому были назначены виновные в низком качестве советской авиационной техники в годы войны. В 1948 г. – «трофейное дело», которое использовали для дискредитации маршала Г.К. Жукова. В январе 1948 г. агенты ГБ убили в Минске С. Михоэлса, инсценировав аварию. В конце 1948 – начале 1949 г. были арестованы остальные члены «Еврейского антифашистского комитета». В феврале 1949 г. началась компания в прессе «по борьбе с космополитами», сопровождавшаяся арестами «вредителей», как правило, еврейской национальности. Для Гуревича «звонок прозвенел» 21 февраля 1948 г., когда Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдалённые местности СССР». По своей «шпионской» статье он вполне мог «загреть» в ссылку вместе с более чем 50 тысячами такими же, как он, уже отбывшими своё наказание. Пронесло... Зато кампанию по борьбе с «космополитами» недруги Гуревича использовали в полной мере. Какие там ружья, какие государственные испытания, когда надо было спасти семью и свою жизнь!?

От Элеоноры Евгеньевны, дочери Гуревича, известны некоторые детали его личной жизни. Мать Элеоноры, Нина Дорожкина в последний момент отказалась ехать

с семьёй в Тулу. Она была беременна от другого мужчины. Несмотря на то, что они с Евгением Самойловичем не были расписаны, это предательство стало для него тяжёлым ударом. Что делать? Билеты были на руках, поэтому поехали втроём: отец, дочь и бабушка, Софья Михайловна. В Туле два года жили в гостинице. В жизни маленькой Элеоноры появилась мачеха Нина Михайловна Шорохова. Она работала парикмахером и была моложе Гуревича на 26 лет. Пришлось оплачивать ещё один номер. Даже в те времена постоянно проживать в гостинице было накладно, поэтому семья сняла половину дома по ул. Хомутовской, и Гуревич затеял строить собственный по адресу: ул. Советская 37, где кроме дома стали возводить большой гараж. После войны появилось много трофейных автомобилей, и страсть Гуревича к автомобильной технике вспыхнула с новой силой. Сейчас уже невозможно установить, откуда, но очень скоро во дворе на Советской стояли несколько автомобилей, в том числе легковые: «Татра» и «Опель», а также венгерский грузовик «Раба Ботонд». Кому они принадлежали – неизвестно, но для их обслуживания был приставлен помощник – пленный немецкий механик Вернер. Кстати, дом тоже построили пленные немцы, качественно и быстро, менее чем за год. Маленькая Элеонора хорошо запомнила каменщика Дитриха и плотника Хофмайстера. Работая «по заданию Арткома», Гуревич неплохо зарабатывал, но это была не зарплата, а единовременные выплаты за изобретения. В этом смысле его, наверное, можно считать одним из первых в СССР профессиональных изобретателей. В 1949 г., оказавшись опять на волосок от больших неприятностей, Гуревич лихорадочно искал спасение. Помогла его знакомая, главный врач психбольницы. Диагноз «психастения» оказался достаточным, чтобы с учётом лагерных болезней получить инвалидность. Инвалида – «психа» не тронули. Надо было как-то жить. Исчезли автомобили, денег катастрофически не хватало, пришлось продать гараж, потом полдома. В 1951 г. Гуревич получил 1800 дореформенных рублей за свои секретные разработки. В том же году в газете «Коммунар» вышел фельетон «Великий комбинатор». Автор статейки уверял, что Гуревич – никакой не изобретатель, поскольку за всю жизнь изобрёл только лишь... пуговицу. Подобные фельетоны не появлялись тогда просто так. Был заказчик, и это был «сигнал». Но опять пронесло... У Гуревича был старый знакомый по работе на Севере – Николай Васильевич Новиков, ставший в апреле 1948 г. министром морского

флота СССР. Какие-то работы Гуревич выполнял для этого министерства. В 1952 г. Тульский горпромкомбинат заплатил изобретателю 4000 рублей за новый способ выделки кожи. Вот и все доходы. Известие о смерти Сталина Гуревич встретил со слезами на глазах, но кто знает, что это были за слёзы? В 1954 г. дом был продан полностью, вместо него куплена часть дома на ул. Бундурина 8. В том же году середь бела дня на полном ходу Гуревича выбросили из трамвая, и он сильно разбился. Банальное хулиганство или очередной «сигнал»? Между тем, ещё в 1949 г. в ЦКИБе появилось ружьё МЦ-6 – первая «цкибовская вертикалка», оригинальная, не на что не похожая... за исключением ружья Гуревича. Предоставим слово документу: «26.06.1954. Директору завода тов. Романову Д.В. В связи с наличием в выпускаемом Вами ружьё МЦ-6 конструктивных элементов, охраняемых авторским свидетельством № 72961 приоритет 25.6.45 года, предлагаю выдать автору Гуревичу Е.С. единовременное вознаграждение в сумме 2000 рублей за счёт фондов БРИЗа. Начальник 5 Главного управления В. Новиков». Разработчики МЦ-6 получили авторское свидетельство в 1965 г. только на УСМ этого ружья. Замок, подобный замку МЦ-6, применял с конца XIX века шотландский оружейник Мак Нотон, потом – Диксон. Я не оспариваю авторство Михаила Ивановича Скворцова и Ивана Павловича Корнейчева, огромную роль Михалёва, Колесникова, Глинского, Шехватова, Щербакова, Шейнина и Феропонтова. Но для любого непредвзятого специалиста очевидно, что ружьё МЦ-6 – это развитие конструкции Гуревича. В 1954 г. Евгения Самойловича навестили гости из КГБ СССР. Чем его попросили заняться – достоверно не установлено. Скорее всего, речь шла о продолжении работы над бесшумным оружием для специальных операций. За «шанхаем» из мелких домовладений на Бундурина, 8 был большой пустырь. Гуревич получил разрешение построить на нём дом с гаражом. Денег постоянно не хватало, поэтому ранее купленная часть дома была продана. Вместо неё там же был приобретён маленький флигель, где жили Евгений Самойлович с женой, а Софья Михайловна с внучкой переехали в недостроенный дом. 19 июля 1956 г. Софья Михайловна умерла. Гуревич потерял мать, друга, своего ангела-хранителя, посвятившего ему свою жизнь. 27 июня 1957 г. ушла из жизни любимая жена Нина. Эти удары судьбы надломили Гуревича. Он потерял интерес к жизни, и многие годы потом его мучили приступы депрессии. ☹

Продолжение следует.

Пуля Гуревича: поддон (1), баллистический наконечник (2)

Курковая «однстволка» МЦ – «конкурент» ружья ГМ-16

Ружьё ГМ-16 кап. 20/5.6